

РАЗНЫЕ-ПРЕРАЗНЫЕ СПЕКТАКЛИ...

(Окончание. Начало на 2-й стр.).

ты звучат страшные слова: «Ваша мать повешена». Шатаюсь, Ада (Ж. Друцкая) идет на публику, я здесь, у садовой рампы, со стоном, театрально падает. Марат, тоже шатаюсь из стороны в сторону, подходит к двери дома и, раскинув руки, застывает... Следует долгая пауза. Падает занавес.

Ребята, переполненные состраданиями, аплодируют артистам. Аплодируют они и тогда, когда Марат один, управляет на тот свет скопом матерого гестаповца Штрасселя, подлого полиция и еще несколько их помощников.

Чувство справедливого возмездия у юных зрителей удовлетворено. А взрослым становится неловко и досадно за обманутое доверие детей, за ненужную театральность постановки.

ЗЛОЙ ОСТРОВСКИЙ

КЛАССИКУ ставить трудно: далекая от сегодняшнего дня эпоха, а главное — груз традиций, литературных и сценических. На-

зови вам, например, «Свои люди — сочтемся» Островского, я, если в школе вас учил не очень творческий педагог, вам сразу станет скучно. До того уж все там ясно. Недаром же девочки, поступающие в театральные институты, часто читают на экзаменах монолог Липочки. Тут уж в трактатке не ошибешься: глупенькая, пустенькая и капризная барышня, мечтающая только о замужестве. Вот она — Липочка.

А можете вы представить Липочку с грубым, хриловатым голосом и неуклюжими манерами? Ходит, как солдат, разговаривает, как базарная торговка?

Вот такая она на сцене Минского ТЮЗа. Вся ее «образованность» — лишь на поверхности. А за ней проглядывает натура грубая и расчетливая. Да, расчетливая и жестокая. Это особенно открывается в сценах, где Липочка (Э. Зайцева) молчит. Подхалюзин (В. Пискун), пытаясь склонить Липочку на брак, рисует картину их будущей жизни: «Домик свой кулим... коней наилучших...» Липочка слушает молча, не глядя на Подхалюзина. Лицо ее сосредото-

чено, брови на лбу сведены, хмурые глаза что-то подсчитывают, взвешивают, выбирают. Наконец высчитала и решила. «Зови отца!» — приказывает она Подхалюзину.

Или красноречивое молчание Липочки — Зайцевой в последней картине, где отец пришел просить дочь и зятя заплатить за него кредитам. Липочка сидит перед отцом, словно каменная, лицо холодное, недовольное. Так и читаешь в нем невысказанную мысль: «Хватит, пожила. Теперь мы будем жить! Ничего не дам».

Эта Олимпиада Самсонова далеко пойдет. Ей еще вращать миллионы. А Подхалюзин, хоть и переоделся, принарядился, так и остался при ней приказчиком.

Может быть, кто-то и скажет: не по Островскому, мол, это. Не был Островский таким злым к своим героям.

Но здесь хочется защитить позицию театра. Разве не имел он права вот так взглянуть на Островского, на купечество? Да, более беспоощдно, чем сам драматург. Ведь сегодняшний режиссер знает, в каком жестоком, хищного эксплуататора вырастет русский купец при капитализме.

С этих позиций и прочел театр пьесу Островского. Спектакль «Свои люди — сочтемся» — последняя работа талантливого режиссера, заслуженного деятеля искусств БССР Л. И. Мозалевской, много лет возглавлявшей Минский ТЮЗ...

Есть в пьесе «Свои люди — сочтемся» один любопытный образ, вроде бы незначительный. Это Тишка, мальчик на побегушках. Бездомный, безродный, проходит он жестокую науку у хозяев. И никто его не пожалеет. Наоборот, кому не лень,

даст ему подзатыльник. Бедный мальчишка!

А в спектакле он совсем не бедный. Напротив, веселый. Простодушная улыбка почти не сходит с лица Тишки (Г. Раевская). Он как рыба в воде чувствует себя в этом мире. Потому что много не представляет. И когда Подхалюзин пинками выталкивает из своего дома маклера, глаза Тишки весело блестят. О, он тоже так будет делать, только дайте ему побольше наворовать.

Никакой сентиментальности не позволяет себе театр. Не жертва злых хозяев этот Тишка, а продукт среды, эпохи.

Так решены все образы. Успеху спектакля «Свои люди — сочтемся», его идейной четкости немало способствует работа художника А. Тарасова. Когда открывается занавес в четвертом акте, в зале раздается хохот. На сцене не произнесено еще ни одного слова, но двинулись с места актеры, а зрители хохочут. Они все поняли. Убранство дома четы Подхалюзинных, претенциозное и чудовищно безвкусное, уже все сказало о них. Язык декорации, как видим, бывает не менее выразительным, чем актерское слово и эффектная мизансцена. Режиссерский замысел и видение художника счастливо слились в этом спектакле.

Теперь школьник, посмотревший «Свои люди — сочтемся» в Минском ТЮЗе, будет хорошо знать, что представляло собой русское купечество в середине прошлого века и кем становились позже такие незначительные барышни, как Липочка.

Задачу иллюстрировать и дополнять школьную программу Минский ТЮЗ выполнил. На этой высокой оценке заслуг театра так приятно было бы поставить точку в статье. Если бы... не одна аякста.

ВОПРОС ИЗ АНКЕТЫ

„КАКОЕ спектакль наиболее полно отвечает вашим интересам и вкусам? Помог ли он вам разобраться в чем-то жизненно важным для вас?»

Этот вопрос из анкеты, составленной работниками педагогической части ТЮЗа. Работают здесь две молодые энтузиастки, недавние артистки Л. И. Ермак и М. В. Мишкевич. Тесно связанные со школами, со своим зрителем, они первыми почувствовали, что не все благополучно в театре, и забили тревогу. Они организовали при театре клуб молодых любителей искусства, устраивали встречи с артистами, начали выпускать стенгазеты-рецензии на новые спектакли. А теперь вот придумали эту анкету. Скоро она, отчетливая и разносторонняя, попадет в руки юных зрителей театра. Интересно, что ответят старшеклассники на поставленные в ней вопросы, особенно на второй: «Какой спектакль помог вам разобраться в чем-то жизненно важном для вас?»

Может быть, «Любит — не любит», последняя премьера театра? Веселая комедия польского драматурга Тадеуша Казюшняка о сложностях первой любви. Играет здесь молодежь театра. Некоторых артистов, таких, как Л. Барташевич, Р. Маленченко, В. Мартынова, можно поздравить с успехом. И все же самой яркой фигурой в спектакле стала наша Завальская, дама не первой мо-

лодости, мечтающая о третьем замужестве. Сцены в доме этой предприимчивой мешанки самые сочные и веселые в спектакле благодаря опытным исполнителям роли артисткам К. Королевой, С. Матюкевич. Невольно анкеты в спектакле переместились. Главным стали не взаимоотношения молодых людей, а события в доме Завальской. Интересно задуманный постановщиком, народным артистом СССР П. Молчановым спектакль «Любит — не любит» получился неровным. И хотя зрители на этом ведали много смеются, уходят они со спектакля не слишком обремененные раздумьями.

Где же пьесы о современности, о тех проблемах, о которых юность спорит на своих диспутах, собраниях? Где пьесы Розова, Арбузова и других драматургов, чутко отражающих настроение молодежи, помогающих найти ей верную дорогу в жизни? Эти пьесы были в репертуаре Минского ТЮЗа в первые годы его работы. А в последние годы — исчезли. Почему? Кому отдает театр своего самого пытливого и взыскательного зрителя? «Взрослым» театрам? Но у них свои задачи.

Вопросы анкеты, составленной педагогической частью театра, ждут ответа не только от зрителей, но и от всего творческого коллектива театра, от его руководства.

Хотелось бы закончить эту статью по-доброму. Но, думается, театр не нуждается в снисхождении. Он справится со своими трудностями, укрепит хорошие сложившиеся традиции. Ведь недаром драматурги несут ему свои новые пьесы...

Д. МАНАЕВА.